

Т.Ю. ВЛАСКИНА

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

В духовной культуре донского казачества важное место занимают представления о смерти и загробном существовании человека, реализованные в похоронно-поминальной обрядности, поверьях, фольклорных произведениях, системе бытовой регламентации поведения. Разнородные элементы не только функционировали в рамках ритуала, но и образовывали гибкую структуру, имплицитно присутствовавшую в повседневной жизни каждого человека и общины в целом. Во всей полноте названный комплекс существовал еще в 1950-е гг., многие его элементы и сейчас находятся в живом бытовании, доступны наблюдению и фиксации. Тем более удивительно, что в публикациях и исследованиях погребально-поминальная обрядность донских казаков почти не освещалась. Исключение составляют отрывочные упоминания о некоторых поверьях и традициях, связанных с похоронным обрядом населения Дона, в трудах местных краеведов¹. Среди недавно вышедших работ единственная, в которой затронута эта тема, – монография волгоградской исследовательницы М.А. Рыбловой [Рыблова 2002, 76–80].

С 1992 г. на территории Ростовской и Волгоградской обл. экспедицией филологического факультета РГУ осуществляется сбор полевых этнофольклорных материалов. Первые результаты собирательской и исследовательской работы опубликованы [Власкина 2000; 2000а]. Собранная информация позволяет составить общее представление о погребально-поминальном комплексе казачьего населения Дона конца XIX – первой половины XX в., а также отразить современную ситуацию, что и предполагается сделать в настоящей статье.

Похоронный обрядовый цикл донских казаков, будучи типологически, функционально, структурно и концептуально восточнославянским, подразделяется на три этапа:

¹См., например, описание «беседы» старых казаков «на глублизах», т.е. на кладбище [Сухоруков 1894]; [Чернышковский 1918] и др.

предпогребальный, погребальный и поминальный. Каждый этап имеет собственную градацию, отражающую его специфику: различия в содержании, объемах и характере информации, а также в субъектно-объектных отношениях. Так, в рамках предпогребального этапа следует выделять не локализованный во времени период подготовки к смерти как к естественному итогу земного существования и период подготовки умершего к погребению.

Этап I, предпогребальный. Подготовительный период. Подготовка к похоронному обряду начинается задолго до смерти, в определенном смысле она происходит в течение всей жизни. В среде пожилых верующих женщин и сегодня принято собирать все волосы, чтобы впоследствии набить ими погребальную подушку и положить ее в гроб. По бытующему поверью, пока умершая не отчитается за каждый свой волос, ее душа скитается не в силах предстать перед Господом в первоначальной целостности. Остриженные ногти чаще не хранят, а сразу после стрижки прячут за пазуху и затем бросают в печь. Ногтям отводится важная роль в преодолении пути на «тот свет»: «*Нохти-та брасать нильзя. У пазуху, да и ф патдувалу... На том свети, люди гаварять... а можэ и брешуть... будить такая стікляная гара, нахтями будишь за ній цыпляца*»² (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от Т.А. Шарамко, 1916 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]; ср.: [Греков 1912, 175; Номиков 1884, 316]).

Во многих населенных пунктах было принято задолго до смерти изготавливать гроб. Гроб-*дамовина*, наполненный пшеничным зерном, в течение многих лет стоял на чердаке (*на паталке*), ожидая хозяина. Каждую весну прошлогоднюю пшеницу добавляли в посевное зерно или раздавали на милостыню, а после сбора урожая гроб наполняли свежим (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Косивцовой, 1922 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на; в 1998 г. от О.Н. Татаровой, 1911 г.р., х. Малотерновой Чернышковского р-на Волгоградской обл. [АА]). В наше время этот обычай продолжает соблюдаться немногими старожилками, как правило, старообрядцами, при этом до-

²Тексты даются с элементами диалектной транскрипции.

Крест на женской могиле, перевязанный головным платком. Ст-ца Голубинская Калачевского р-на Волгоградской обл. 2004 г. МДЭ РГУ.

водом в пользу сохранения традиции служит желание доставить своей смерти как можно меньше хлопот родным и близким.

С возрастом приготовления к смерти становились всё более явными. Само наступление старости было особым образом маркировано. Совокупность определенных биологических признаков старения воспринималась как начало перехода человека в иной мир: «Бабушка сказала один день: "Ой, Госпади-Госпади, да нара уже ухадить, да Гаспоть-та прислал мне три письма: да вот первая письмо – сидину, и фтароя письмо – глухату, а и третья письмо – слипату. Фсе письма дали мне"» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Ивановой, 1924 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]). Осознание начала этого перехода накладывало отпечаток на повседневное поведение индивида. Поскольку приход смерти ожидали во сне, большое значение придавали устройству постели, которую рассматривали как ложе умирающего. Требования к такой постели обнаруживают семантическую связь с окказиональной магией облегчения аго-

нии. Типичным было обустройство постели на полу, причем без перины и подушек, набитых пером птиц. Иногда под голову вместо подушки клали предметы, наделяемые особым символическим смыслом: *карцу*³, старые сапоги.

Особое место в этот период жизни человека занимают так называемые «наказы родным и близким» – распоряжения относительно одежды, гроба, оформления могилы, раздачи вещей «на помин». Характерная черта общения пожилого человека с детьми и близкими – желание передать сведения о наиболее архаичных, с его точки зрения, нормах подготовки погребального ритуала. Просьбы подкрепляются ссылкой на традицию путем описания реального или легендарного прецедента: «И вот мая мамка умирала, так ана прасила: "Дифцаты! Ни абивайтя гроб! Ни кладитя у гроб лишнива. Эта фсе там таскать, итить... на мытарствам будут вадить, и увесь этак вьюк насить за сабою". Так мы ни абивали» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от Т.А. Шарамко, 1916 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]).

Важной заботой старых людей считается приготовление *смертного узла*, в который помимо одежды и обуви входят венчик и рукописание, купленные в церкви, определенное количество головных или носовых платков и отрезов материи для раздачи участникам погребального ритуала⁴. Вещи к смерти (*смертельное, смёртное*) пожилые женщины обычно приготавливают не только для себя, но и для мужчин своей семьи, так же как гроб пожилой мужчины готовит заранее себе и своей жене. Одежда, обувь должны быть традиционных образцов, что, согласно поверью, помогает умершему беспрепят-

³ Карча, карша, корчужка – [карица́, карциушка] – 'пень для рубки дров'; 'коряга, приплывшая по реке' [СРДГ, 219, 247].

⁴ «Смиртельная лижить у них. Сами шьют. И рубашка, и кофта, и юбка у них – фсе шитая. Чулки абязательна, платочки у ней припасены. Адин – на крест завязывать главной платок, адин – на ней навязывать. Четыри платочка – крышку нисти, насавыи. Фсе у ней пригатоулина. И адин – на вароты на клатбици завязываем... Материал белый. Три повара – три клочка, и адин абмываит – чытыри, палатенца абязательна двинацать метраф. Сорак платочкав на сорак дней пакупают уш тагда. А каторыи и припасают» (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от Г.А. Карповой, 1948 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АА]).

ственно проникнуть в мир иной и облегчить его посмертное существование: «Шыли, штоп изюлка была фтирёт, на живую нитку. Так штоп дарога была ей, душе иттить на тот свет. Вроди так, штоп фтирёт, фтирёт и фтирёт. Снизу падала и вверх. В одну сторону. Падушыцуку шють тожа так. ...Татацки для умерших вязали с парчаф (из белой ягнчьеи шерсти. – Т.В.), они же бязгрешнаи. Лехшы яму иттить будить» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Косивцовой, 1922 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]). Повсеместно до 1930-х гг. донские старообрядцы клали в смертный узел саван и нижнее белье из белого холленкора⁵: для женщин – рубаху с длинным рукавом, для мужчин – рубаху и штаны, без пуговиц, на завязках. У казачьего населения левобережья Дона в районе ст-цы Романовской в качестве смертной женской одежды, бытовавшей еще в 1970-е гг., зафиксирована туникообразная пролазнáя рубаха с ластовицами. Исследователи традиционной одежды считают рубахи такого типа реликтовой формой для восточных славян [Маслова 1956, 605]. В 1950-е гг. саван постепенно заменяется ситцевым халатом (у женщины) и покупной костюмной парой (у мужчины). Православные (церковные, приверженцы официального православия) в качестве погребального убора старинного образца называют женский комплект одежды из юбки, кофты и фартука (завёски). Есть сведения о сохранении пожилыми женщинами своей венчальной одежды для будущего погребения⁶. Обычай погребать в свадебной одежде девушек, умерших, не успев вступить в брак, широко распространенный в славянском мире, известен и на Дону. Служившим в казачьих войсках (в том числе и в период Великой Отечественной войны) мужчинам до недавнего времени приберегли казачью форму – шаровары с лампасами и суконную рубаху. По мере исчезновения этих вещей из обихода православные, так же как и старообрядцы, стали отклады-

вать на смерть «магазинные» рубашку, брюки и пиджак. Традиционность мужской одежды в таком комплекте может проявляться, к примеру, в том, что предпочтение отдается устаревшим видам нижнего белья. Например: «Ф трусах низаконна класть. Нада ф кальсонах» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от С.М. Поливанова, 1910 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]). Известны случаи, когда казачью шапку или фуражку клали в гроб рядом с головой покойного, но не новую, в отличие от всей остальной справы, а носившуюся при жизни. С различными вариантами одежды для погребения связаны взаимоисключающие, на первый взгляд, требования, которые, однако, отражают ее характерные признаки: сакральность, традиционность и новизну форм. Для покупной или сшитой самостоятельно, но без соблюдения специальных правил одежды, всё чаще используемой в качестве ритуальной, неизменным значимым качеством остается новизна (обычные эпитеты: *невладанная, нинадёваная, новинькия*).

Возвращаясь к «наказам» пожилых людей родным и близким накануне смерти, необходимо упомянуть бытование в ряде районов могильных ям необычной формы, сооружение которых в настоящее время осуществляется только по предварительной просьбе. Подбойное погребальное сооружение («магила с паткопам»), которое старики считают одной из старинных местных традиций, представляет собой прямоугольную яму, ориентированную длинной осью по линии запад-восток, вдоль одной из длинных стенок которой сделано углубление – подбой, шириной и высотой соответствующее размерам гроба. Согласно православному обряду, покойного помещают головой на запад. Входное отверстие закрывают прямоугольным щитом из досок, вследствие чего в углубление не проникает земля, заполняющая могильную яму. Устройство могил такой конструкции обычно мотивируется страхом быть засыпанным землей. Поскольку кровные родственники не должны принимать участия в обряде покойного, приготовлении гроба и могилы, с такой просьбой принято обращаться к кумовьям или крестникам («к крястовай радне»): «Отмая мамка... часта от так от загварим, она: "Я умираю ни баюся, дифцаты, а вот

⁵ Холленкор – род хлопчатобумажной ткани.

⁶ Часто при покупке предметов старины для музейных коллекций выясняется, что венчальную одежду пожилые женщины хранят на смерть. Так же, по их словам, поступали и их матери (зап. в 1994 г. Т.Ю. Власкиной от Е.И. Кривоносовой, 1917 г.р., ст-ца Вешенская Шолоховского р-на [АА] и др.).

баюсь, што, када гроб апустють да оглодья, — как зимою, — оглодья загудят, ани сразу и гроб раздавлиють". Камья зямли... Ну, умярла ана... Ана и крѣсным гварила, а ани грядь: "Ой, крѣсна, ты жыви! А если уш слущица чо, мы тибѣ с паткопам выраим мазилку. Так што и зямля ни пападеть". Так от, ей с паткопам... от так от задвигнули. Зямля нищуть ни папала» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от Т.А. Шарамко, 1916 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]).

Достаточно часто в подбойных могилах совершаются парные, а иногда и коллективные захоронения, и тогда они представляют собой нечто вроде семейного склепа. По предварительной договоренности в одной могиле хоронят супругов. При этом независимо от очередности смерти в подбой стремятся поместить гроб женщины, мотивируя это тем, что «бабе и бис таво тяшка придѣца, на ней грихов больша, так нихай на ние зямля ни давить» (зап. в 2002 г. Т.Ю. Власкиной от А.М. Князевой, 1910 г.р., х. Рябичѣв Волгодонского р-на [АА]). Известны случаи погребения детей в могиле матери. По имеющимся данным, ареал бытования захоронений в подбойных могилах распространяется на ряд территорий в Константиновском, Волгодонском, Тацнинском, Цимлянском и Обливском р-нах Ростовской обл. (зап. в 1996–2000 гг. [АА]). Население, придерживающееся этого обычая, конфессионально неоднородно. Наиболее часто в подбойных могилах хоронят казаки-старообрядцы поповского и беспоповского толков — поморцы и филипповцы (филиппоны). Однако в населенных пунктах, где казаки — приверженцы Русской Православной Церкви — соседствуют с казаками-старообрядцами, в подбойных могилах хоронят и те и другие.

Тема смерти занимает важное место в обыденном общении пожилых людей. При этом тон и содержание этих разговоров существенно отличаются от обращений к молодежи. Старики шуточно устанавливают очередность своего ухода, договариваются о том, кто и каким образом «пришлет письмо с того света», обсуждают известные им разнородные сведения о загробном мире: «Вот у нас тут был адин... усѣ гаварил: "Дѣдуки, пака я ни памру, нихто у Рай ни пападѣть, ключи ат Рая у мене. Так што задиржытисе, мая очирить первая. Я вам тада

весть падам..."» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от Т.А. Шарамко, 1916 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]).

В среде старожилов сохраняется фольклорная традиция повествований о посещении «того света». В этих рассказах, обнаруживающих сходство с распространенными в русской деревне рукописными и устными текстами снов-обмираний [Дурье, Тарабукина 1994], отражены народные представления о жизни после смерти: «Эта называли "засыпать чилавек". Засыпать на нескалька дней, а потом атходить. Адна — ну, эта правда, ни так дюжы и давно — засыпала ана, стали у ние (спрашивать): "Ну, Гашка, ты расскажы, че ш там?..." — "Видила: адни стали стаять. Фсе черная (и) стаять стали. На каком сталу многа ляжыть. Ну, там канхветы — хто че падаеть, а на каком — ниче нету. Ну, ни падають. Вот хто падаеть часта падачу, то у ниво лижыть на стале... А хто ни падаеть — ниче нету. А вот хтой-та мене от вѣл, и я эти стали видала"» (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от А.Г. Шмелевой, 1911 г.р., х. Солонецкий Обливского р-на [АА]); «Ну вот, Питровна абицала нам письмо прислать с таво света... Да письмо-та ни прислала, а приснилась... Так приснилась, гварить: "Жэня, я фсѣ слыхала, как мне пахаранили, да хто на мне плакал, как абет вы делали. Вы мне закапали и ушли фсе. А ка мне, грить, приходит старицѣк и гаварить: "Ну, падымайси, раба». Я, грит, падылася. А он: «Следавай за мной». Я, грить, и пашлѣпала. Па дарошки. Вот так дарошка... и ѣлки, и сосны, грить, но ни такя, как у нас — зилѣнья, а галубы и синия. И я, грить, иду, иду... Он давѣл. Сидит фтарой старицѣк. Гаварить... а я падашила, да: «Зрастуйтя!». А он: «Зрастуйтя. На вас хрест есть?». А я: «Есть». «Тада — наш рот (род). Присадиняйтися»". А я ей спяшу (эта Жэня-та), спяшу ей впросы задавать. Што, как жы там? "Питровна, а кормють?". Ана грить: "Кормють, Жэня. Три раз у день. Кормють тем, што ты даешь издеса, на етим свети. От тем, грить, и кормють. Есть, грить, у людей — са сталоф волицца. А есть, грить, пустыя сталы. Ницаво на сталах нету...". Можыть, ни давали люди или как? Ницо на сталах нету... А вот ни спрасила ана, как жы те

потапова, у каких стлы-та пустья?» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от Т.А. Шарамко, 1916 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]).

Большинство людей старшей возрастной категории часто посещает похороны и поминки, участвуя в исполнении ритуальных действий и следя за соблюдением традиций. Особенно характерна руководящая роль женщины в такого рода событиях. По нашим наблюдениям, источником их авторитета служат не только реальный опыт, знание правил, обрядовых процедур и священных текстов, но и осознаваемая более молодыми членами общины близость к жизненному опыту. Часть вещей в *смертном узле* (в основном платки) у пожилых женщин состоит из того, что они получили *на помин*, причем в дальнейшем она также предназначается для ритуальной раздачи. Всё это делает смерть в преклонном возрасте обыденным и даже планируемым явлением.

Словом *нече* воспринимается смерть ребенка или человека в расцвете лет, не достигшего старости. В донских говорах ее называют *нечной*, *не своей*, *непостыжной*. В силу особой опасности таких покойников их родным предписывалась сдержанность в проявлении горя. Известен ряд апотропеических мероприятий, осуществлявшихся для ограждения семьи и общины. Так, на Северном Дону молодым вдовам рекомендовалось носить при себе и класть под голову во время сна золотое растение – *казёлик* (*Scutellaria flavida* L. – синеголовник плоскостовный из сем. Ариáceае). По поверью, это растение обладает способностью лечить тощую и защищает женщин от посещений *огненного змея*, принимающего облик умершего мужа. Среди других предписаний особенно широко распространен запрет на оплакивание детей: «*Да нильзя (плакать по детям. – Т.В.) Грех Жалка, а вот грех и фсе – кричать? Тада он будить ва слизах, в ваде плакуть. Нильзя, мода перьнасить. Ни плакать, а луччи чащи падавать, падавать и Божь мастица. Шоб Гаспоть дал тирпенья. Тада ребёнок будить ф сухате ляжать. А ты будить у ваде. А када мать памрёт, дитё кричат: эта, грить, как салавей ф саду. А вот мастица низя кричат»* (зап. в

⁸ Кричать – в донских говорах 'плакать'.

1998 г. Т.Ю. Власкиной от А.П. Бондаренко, 1920 г.р., ст-ца Обливская [АА]).

Неотделимость воинского пути мужчины от жизненного, реализованная в емком понятии «*казачья доля*», оказала влияние на представления донских казаков о своевременной и несвоевременной смерти, согласно которым смерть казака любого возраста в бою, «*на кане*» есть лучшая и наиболее полная реализация мужской жизненной программы⁸. Смерть в бою «за други своя» почетна и в этом значении может сравниться с другими видами *святых* смертей (при родах, во время грозы и др.). Однако заранее своей смерти никто не знает, она нарекается человеку при рождении, и изменить что-либо нельзя, можно лишь угадать, определить по различным признакам приближение трагических событий. В определенном смысле понятие «смерть» изоморфно понятию «судьба». О близкой смерти свидетельствуют необычные происшествия, поведение животных, сны, в которых преобладают характерные для восточнославянской традиции мотивы разрушения, переселения в новый дом, дороги и т.п.⁹ Существуют календарно и ситуативно приуроченные гадания о смерти: в структуре новогодних и святочных обрядов, свадьбы и проч. Очевидно предельное сведение предметного поля *судьбы* к вопросу *жизнь или смерть* во время проводов казаков на действительную

⁸ Известен обычай, согласно которому казаки – единственные дети, а в особенности последние представители семей по мужской линии – до рождения у них сыновей носили специальные отличительные знаки (серьгу в ухе), чтобы командиры заботились о сохранении их жизни. Эта мера должна была спасти старые казачьи фамилии от вырождения. Представления о естественности гибели в бою для казака, более того – о взаимосвязи статуса казака и такой смерти проявляются и в настоящее время. Отвечая на вопрос о том, кто были его родители по происхождению, собеседник может сказать так: «*И отец и дет на канях ваивали, на канях и пагибли – чистыи казаки были»* (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от П.Ф. Асколеповой, 1912 г.р., ст-ца Ермаковская Тащинского р-на [АА]).

⁹ См., например: «*Или патирияши што-та, или с нох патирияши, или с сибе што-та. Ну, че-та патирияши из адежды. Эта к упакойнику. Ишо сыч, такая птица. Иво ни увидиш. Каму-та умиреть, так от ана абизатильна прилитить в двор, закритить или чириз двор пралитить и закритить. Фсе равно – вечирам там, утрам. Если услышьши, то плаха»* (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от Е.И. Королевой, 1915 г.р., ст-ца Обливская [АА]).

службу, и в этом случае особое вещее знание скрыто от человека, но доступно животным и птицам [Черницын 1997].

Период от смерти до погребения. О приближении смертного часа догадываются по некоторым изменениям, происходящим с человеком, среди которых часто упоминают нарастающую рыхлость, тяжесть тела: «Как толька упала ана на пал... зимля ие, гаарят, тянить, – рас упала ничайна, другой рас упала ничайна, третий рас упала ана... От устанить у тувалет, я нака карову падаю, прихажу – ана ляжыть. А устать-та ана ни можыть, и так надымаицца, и так. Ана уже тижолоя, ие ужэ зимля тянить. И от, как ана упала три разá, так ужэ и жди. Эта ужэ смерть ие» (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от Г.А. Карповой, 1948 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АА]). Различные способы облегчения агонии применялись, как правило, только к старикам. Большинство из зафиксированных на Дону приемов относится к типичным, широко распространенным у восточных славян [Терновская, Толстая 1995]. Уже упоминалось, что умирающего перекладывали на пол, помимо этого открывали в доме окна и двери, родственники и соседи приходили проститься и попросить прощения, получить последние наставления. В досоветское время казаки старались в таких случаях пригласить священника, предсмертному покаянию и причащению придавалось большое значение. До настоящего времени сохраняется обычай в момент кончины зажигать свечу: «Ну, вроди как на тот свет итить са свичей» (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от О.Н. Татаровой, 1911 г.р., х. Малотерновский Чернышковского р-на [АА]).

Несмотря на стремление облегчить участь умирающего магическими или рациональными способами, единого мнения о том, как должен умирать человек, у казаков нет. По широко известному поверью, особенно тяжело умирают те, кто при жизни знал с нечистой силой: «Када калдун каньцаицца, он долга мущица. Яму нужна прабуравить матку (матицу в доме. – Т.В.), и калдун коньцица. Или должын пиридать каму-та. В руку дать» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Ивановой, 1924 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]). Демоны (ня-

добрыи, щерти), которые служили колдуну или ведьме при жизни, не дают своему хозяину умереть, пока не обретут нового патрона: «Такии вот, занимаюца тихарошими дилами – ани долга умирають. Ани просют, штоба че-нибудь им падали у руки. А им падавать ни у коим случаи руку низзя. <...> А ани пиридають тада другому сваю эту фсю... есля от руку падаш, ана тибе пиридасть усе. Усе будишь ты знать. У нас их сколько былó, я ш помню, рассказвали. Так ни давали голую руку. А то венник, то палку какую-нибудь. Ана просе руку, а от за руку возьмеца, ана фсе пиридасть и сразу умирает. У нас он там он, на бугре выше наряднай жили. Калдунья ана была, мама эта рассказвала. Так ана умирала дня три или щитыри. И кошки там аруть на хати... – [Соб.: У нее было много кошек?] – Да аткуда там? Проста пришли щёрныи кошки фсякава калибира. И ана дня три умирала. – [Соб.: Настоящие кошки?] – Да не, ета щерти ие мущили. Люди ест, видáли. А ани, грать, с рагами эти щерти, как козы от...» (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от М.С. Путьгиной, 1917 г.р., х. Трофимов Константиновского р-на [АА]). Между тем «легкая» смерть, так же как и «трудная», может оказаться наказанием, свидетельствовать о порочности умирающего: «Быстрая смерть – лехкая. А вот как, гаварять, што как щилавек балеить и мущица, етаму, уроди как, на том свети скащение. Он уже и так на этом свети намуццис. А етаму, уроди, можыть там хужы приттись, уроди, он жы ни балел» (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от В.В. Уваровой, 1940 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АА]).

Смерть приходит за человеком в антропоморфном облике, чаще всего – в образе покойных родных, зовущих к себе, домой. Реже фиксируются повествования о том, как незадолго до кончины возле умирающего видят Богородицу, архистратига Михаила, других христианских персонажей: «Ну, вот чилавек знать – Божья Мать патходить. Када балеить чилавек, то ана биреть... Вот примерна, у мияя плимяицца... забалела. Он (сын. – Т.В.) в адной комнате, а ана в другой... Ну, женщина вашла и фсе. А он грить: "Ты че пришла? Зачем пришла?". А ана гварить: "Я за матирью пришла". А он: "Иди на х...". З дури. Ана сразу прапала. А

матери дня чириз два ана намирла. Вот. Ана за матирью пришла» (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от А.П. Бондаренко, 1920 г.р., ст-ца Обливская [АА]). Иногда Смерть – мифологический персонаж – приходит в своем собственном облике, и ее угадывают по специфическим атрибутам. Она различает душу с телом. Таким образом умерший оказывается в мифологическом пространственно-временном континууме, одно из свойств которого – цикличность. Время смерти соотносится с традиционным календарем и, согласно поверью, может определить коллизию загробных странствий души. «Гладная, ни умирает на Страшнѣ Ниде, ни на Паску. Там жы страсти уси идутъ. Нику жы Христоса мучили, вот тут-та и гаварила: "Страшна!". Ить покойника нику мучить будутъ на мытарствах. Да, вот тут-та и гаварила: "Страсть!". Да, вот у нас сасетка балела и гаварила: "Господи! Как ба ни умираетъ на Страшной Ниде!"» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Косицовой, 1922 г.р., х. Потапов Волгоградского р-на [АА]).

Согласно распространенному убеждению, родственники не участвуют в подготовке тела к погребению. Для обмывания, одевания, положения в гроб приглашают соседей. Обычно в хуторе или станице есть несколько старушек, для которых «купать покойников», «читать на покойникам» является своего рода профессией. Но, как было сказано выше, помощником в этом может стать любой пожилой человек: «ат-качать гроб». Единственный известный критерий, учитывающийся при приглашении, – «слово на блага». Существует поверье, что для того, чтобы избавиться от страха перед мертвыми, нужно подержаться за ступни покойного. Этот элементарный магический акт, который предлагают совершить тем, кто по контрасту уже мог бы, но не решается присутствовать к исполнению ритуальных функций, может рассматриваться как своего рода инициальное действие. Одежду, в которой человек умер, обычно разрезают и впоследствии уничтожают. В некоторых старообрядческих общинах мужчин обмывают мужчинами, а женщин – женщинами. Однако гораздо чаще и у православных, и у старообрядцев пожилые женщины *купают* всех мертвых, в принципе полового деления играет

роль только при возложении в гроб. На Среднем и Нижнем Дону покойника для обмывания кладут на лавку или на снятую с петель дверь. На Верхнем Дону мертвых обмывают, придерживая в сидячем положении. Для омовения используют воду, тряпочку, иногда мыло. Обмытое и одетое тело, обязательно снабженное поясом, кладут на лавку или на дощатый помост под матицу, вдоль половиц, головой в красный угол. Челюсть, руки и ноги во избежание деформации связывают платком и специальными веревочками. Сверху на закрытые глаза кладут медные монеты. Для того чтобы мертвец не распухал, используют средства магико-эмпирического характера, например в угол комнаты ставят ведро с водой, в которое помещают железный топор. По изменениям, происходящим с телом, судят о покойном и его загробной судьбе – считается, что таким образом Бог дает знать о тайных грехах умершего: «Есть не видно ни глаза где, о тахта весь он распухнуть... На них и гаварили люди, и так Гаспоть нам их наказал, што так от распухнуть фсе и тока идеть крофь, игде глаза, нос, где рот – вот эта знатники, ани губили людей, губили скатину» (зап. в 2001 г. Т.Ю. Власкиной от Е.П. Жарковой, 1915 г.р., х. Антиповский Шолоховского р-на [АА]). Тем, кто *убирает* покойного, обязательно платят «женскими деньгами» – платками, полотенцами или отрезами ткани¹⁰. Если гроб не приготовлен заранее, мастер снимает с покойника мерку хвостинной / камышиной, при этом лишнюю часть обрубают топором. Готовый гроб-домовину очищают / освящают, как новое вечное жилище¹¹, кропя свяченой водой и окуривая ладаном, по краям гроба зажигают свечи. Подушку покойного набивают его волосами, собранными при жизни (см. выше), стружками, оставшимися после изготовления гроба. Помещение в гроб подуш-

¹⁰ Женские деньги – очень верное название для различных видов предметов из ткани – платков, полотенец, отрезков полотна, которые играют важную роль в похоронах и других переходных обрядах семейного цикла у славян [Кабакова 2001, 258].

¹¹ Ср. в причитании: «Ой, да ни заработал чели ты, сыночик, домика себе прасторнава...» (зап. в 2002 г. Т.Ю. Власкиной от К.В. Зюзьгиной, 1931 г.р., Т.Т. Игнатенко, 1934 г.р., х. Усьман Багаевского р-на [АА]).

ки, набитой пером, считается способом наведения порчи на хозяйство покойного: *«Кагда умир свёкар, Качубейка (соседка. – Т.В.) падушку с пиром в гроб налажыла. С этой падушкой иво и пахаранили. С тех пор птица на дваре вистись пиристала: скока ба ни вывилась цыплят, утят, гусят – фсе скысабочуца, накрутить их фсех, а то убигуть са двара. Взяла я тагда эту Качубейку па-свойски и гаварю: "Ты мне здела-ла, давай сама и личи!"»* (зап. в 1993 г. Т.Ю. Власкиной от М.И. Незолиной, 1924 гр., х. Мирный Дубовского р-на [АА]).

В доме, где находится умерший, нельзя ходить без обуви, закрывать двери, тушить огонь, смотреть в зеркало и особенно заниматься уборкой при покойнике, даже брать в руки веник и т.п. До самого погребения покойного нельзя оставлять в одиночестве. В течение трех дней и двух ночей возле него постоянно находятся родственники и соседи. С умершим стараются проститься все, кто его знал, ограничения касаются только беременных женщин: *«Чилавека смотрят три раза, кагда радица, кагда жвница и кагда умрет»* (зап. в 1994 г. Т.Ю. Власкиной от А.А. Давыдыч, 1936 гр., ст-ца Раздорская Усть-Донецкого р-на [АА]). *«Пакойника смотреть фсе ходять. Фсе идут абязательна. Прастица идут. Патходят, гаварят: "Прасти миня, Прасковья Филипауна", например, или: "Прасти миня, бапка". Прихадила алкашка. Раньши варавала у неё курей и фсе, а вот ана ш у ней, у мертай, праценья напросила. А если ни напросить, грех за ней астанца. На том свети ана ш ей припомнит, наверна»* (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от Г.А. Карповой, 1948 гр., х. Крюков Константиновского р-на [АА]).

Для чтения Псалтыри приглашают старушку – читалку. Прежде считали необходимым непрерывное чтение над покойным на протяжении двух ночей и трех дней. В последние десятилетия возникла тенденция прерывать чтение на несколько часов (обычно с полуночи до 4 – 6 часов утра). Интересно зафиксированное на Верхнем Дону поверье о том, что в глухое время суток над покойником читает сама Божья Мать (*ангилы, Гасподь*) и утром читалка находит закладку в книге на несколько страниц дальше от того места, где ее оставила (зап. в 2001 г.

Т.Ю. Власкиной от Е.П. Жарковой, 1915 гр., х. Антиповский Шолоховского р-на [АА]).

Подготовка к погребению, похороны и некоторые обряды поминальных дней сопровождаются исполнением плачей, пением *псалмов* и духовных стихов. Традиция пения над покойным, особенно развитая в старообрядческих общинах, сохраняется на Дону и в настоящее время. Широкое распространение получили сюжеты, принадлежащие к классике духовного стиха: «Страшный суд», «Сон Богородицы», «Хождение Богородицы», «Предательство Иуды», «Жил юный отшельник», «Святая Варвара», «Смерть Престрашная» и др. Большая часть псалмов комментирует ход ритуальной процедуры. Процесс ритуального оплакивания покойного строго регламентирован. Запреты и ограничения регулируют его интенсивность, длительность, время суток, структуру погребальной службы, степень родственной или дружеской близости между покойным и причитающим по нему. По истечении сорока дней после смерти оплакивание должно быть прекращено и может возобновляться только в дни календарных поминок. Нарушение процедуры подготовки похорон, самого погребения, регламента ритуального оплакивания грозит превращением умершего в «ходячего мертвеца».

Этап II, погребальный. Похороны обычно устраивают на третий день после смерти. В день похорон тело перелагают в гроб. Правильным считается, чтобы мужчину клали в гроб мужчины, а женщину – женщины. Отступление от этого принципа рассматривают как нарушение приличий в отношениях полов. Однако реально эта норма повсеместно нарушается и в настоящее время в гроб покойного возлагают чаще всего мужчины.

Предметы, которые кладутся вместе с покойным, помимо обязательных распятия и *документов* – венчика и рукописания, можно разделить на три категории. *То, что нужно для усопшего*, – вещи, без которых покойный не мог обходиться при жизни: очки, курительные принадлежности, расческа и проч. *То, что не нужно живым*, – различные отходы подготовки к погребению: стружки и мерка, оставшиеся после изготовления гроба; веревочки, которыми связыва-

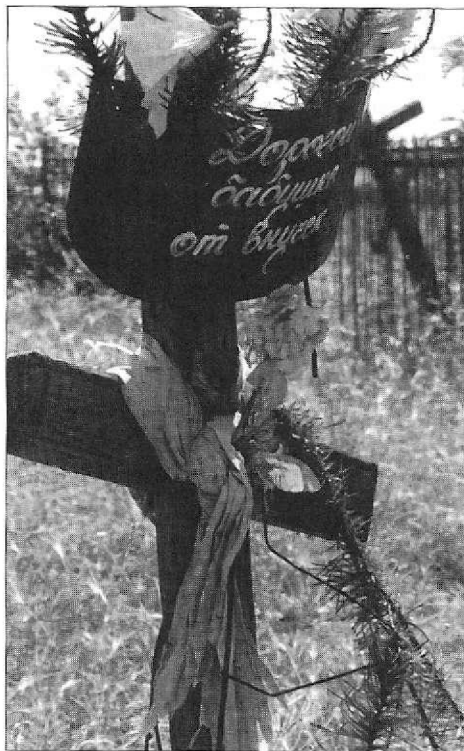
ли руки и ноги; мыло и тряпочки, которыми обмывали тело и т.д. *То, что покойник должен передать на тот свет.* Последнее связано с распространенным поверьем о возможности сообщения между тем и этим светом через «новопреставившихся»: «Умирала, значит, дочь у неё, у сасетки. И от, нималошка прашло времени... Ана сница ей и гаварит: "Мам, пациму ты миня палажысла у туфлях? Ты мне тапачки пиридай". Ана гаварит: "Да дочинька, да как жы я тебе пиридам? Ты же вить закопаная, умирла, мол...". Ана гварит: "Ты заутра выйди на пирикрестак дароги, на профил и пастой манит платнацьты. И ты пиридаш. Астанавишты млыну". Ана, значить, вышла, гварит: "Сматрю: едит машина, я падняла руку". Ана и сказала "первую астанавишты". Ушла жы тапачки, завирнула. Астанавило – аськут гроб цынкавый с армии, мертаво парня, салдата. Ана: так и так, пагаварила Ана: "От мы визём...". Ана: "Ну, вот, маме дочь с таво свету пиридала. От, пиридайтя. Палажыты сваиму сыну у гроб зы тапачы, пусь он пиридасть"» (зап. в 1989 г. Т.Ю. Власкиной от Г.А. Карповой, 1948 г.р., х. Крюков Константиновского р-на [АА]). Обычай передавать «посылку на тот свет» с очередным покойником вступает в противоречие с поддерживаемым церковью принципом обеспечения умерших в их земном существовании всем необходимым через раздачу милостыни на помин души. Возможно, поэтому помещение в гроб вещей для передачи встречается реже, чем раздача, хотя обе практики вполне устойчивы и территориально сосуществуют¹².

Вскрешения стараются завершить к полудню. Ритуал погребения, по широко распространенному правилу, должен происходить после полудня, но не позднее 16.00.

Гроб с покойником выносят из дома ногами вперед, стараясь не касаться порога. Вслед за гробом выходят все, находившиеся в помещении. Двери дома (а иногда став-

ни на окнах и ворота во двор) закрывают, даже запирают на замок на некоторое время. Процессия выстраивается обычно следующим образом: первым идет человек, по полу и возрасту соответствующий умершему, он несет небольшой крест. За ним несут большой крест, который будет установлен на могиле. За крестом – крышку гроба и, наконец, сам гроб, за которым следуют родные, близкие и соседи. В ст-це Манычской и окрестных хуторах крест и крышку гроба перевязывают отрезами материи, которую впоследствии отдают тем, кто нес. На Нижнем и Среднем Дону зафиксирован обычай нести за гробом завернутый в платок камень, взятый со двора умершего. Его несет кто-то из ближайших родственников и затем помещает на могилу. Такие камни, покрашенные так же, как крест или памятник, гробничка и оградка, в настоящее время составляют своеобразие казачьих намогильных сооружений левобережья Дона в Багаевском и Аксайском р-нах. Диалектные названия могильных камней (*ключ, дверь, сторож*), а

Камень «ключ» на могиле. Ст-ца Манычская Багаевского р-на. 2002 г. МДЭ РГУ.

¹² Ср.: «У нас одна умирла маладая женчина. Анай адала... не знаю, чи старыи надели? Чи са-... дак ана их замуцила этими шу-... дак ана прашать, они узгли, купили и адали» (зап. в 1949 г. Т.Ю. Власкиной от М.С. Пуцягиной, 1917 г.р., с. Третьяков Константиновского р-на [АА]).

также легенды о них обнаруживают связь обычая с представлениями о посмертном существовании и будущем возрождении.

Традиционно гроб на кладбище несли на руках. Особенности исполнения этой процедуры подчеркивали принадлежность покойного к той или иной половозрастной группе. Особенно ярко проявлялось групповое единство во время похорон пожилых казаков. Все взрослые казаки, за исключением родственников, по очереди принимали участие в несении гроба: «*Старались хуч нимнога сваю силу атдать этаму казаку – ф почесть*» (зап. в 1997 г. Т.Ю. Власкиной от С.М. Поливанова, 1910 г.р., х. Потапов Волгодонского р-на [АА]). Как один из примеров вращающегося в казачий семейный быт воинских элементов следует рассматривать похороны *парадом*, получившие широкое распространение на Дону перед Первой мировой войной. Другие правила, которых придерживаются участники похоронной процессии, – медленный ритм движения, остановки на перекрестках, запрет на пересечение дороги перед покойником, особенности одежды и т.д. – единообразны на всей территории расселения русских. Так же унифицированы основные правила совершения погребения и поведения на кладбище: могилу никогда не копают родные покойного; могильщикам (*капачам, грабаушыкхам*) платят тканью, на которой опускают гроб, обязательно дают курицу и бутылку водки; на кладбище раздают *кутью*; каждый присутствующий при погребении должен бросить по три горсти земли; с кладбища ничего нельзя уносить и т.д. Ряд элементов имеет локальное распространение. К примеру, на Верхнем Дону на крышку гроба над ногами усопшего кладут два сырых яйца; шапку покойного отдают первому встретившемуся по дороге с кладбища мужчине. На Среднем Дону в могилу бросают медные деньги, для того чтобы покойник на том свете *откупил* себе землю. Ближе к низовьям после совершения погребения ворота кладбища завязывают головным женским платком или полотенцем (носовым платком), в зависимости от пола покойного.

Как одна из наиболее архаических форм погребений за пределами жилого пространства, указывающая на некую культурную

преемственность между донскими казаками и более ранним населением степей, в литературе упоминается сооружение впускных захоронений в курганах. Так, в 1878 г. «Донские областные ведомости» сообщали: «В станицах, слободах и хуторах курганы служат местом погребения умерших. Во многих местах курганы уставлены крестами, так что одна общая могила соединяет всех – и древних язычников и христиан» [Находки 1878]. Высказываются также предположения о сооружении курганов самими казаками над погребениями «известных воинов и атаманов» [Рыблова 2002, 76]. К сожалению, на сегодня достоверная археологическая и этнографическая аргументация в пользу этого мнения отсутствует. Традиция устройства казаками кладбищ за пределами населенных пунктов прослеживается с XVIII в. (например, кладбище ст-цы Старочеркасской). Обследование действующих казачьих кладбищ в пяти районах Ростовской обл. выявило ряд закономерностей. Все кладбища расположены к западу или к северу от жилого массива. В тех случаях, когда в настоящее время кладбища оказываются окруженными жилыми постройками, опрос жителей показывает, что это следствие разрастания населенного пункта, а чаще – слияния нескольких ранее самостоятельных поселений. Вынесение территории некрополя на границу освоенного пространства подчеркивается особенностями рельефа: на возвышенности, за дорогой, у реки (за рекой) – и созданием искусственных границ. Кладбища имеют ограждение с четырех, реже – трех сторон с двумя, реже – четырьмя супротивно расположенными воротами. Одно из старых кладбищ (х. Рябичёв Волгодонского р-на) окружено со всех сторон помимо ограды, разрушенной в настоящее время, валом (высотой 1,5–2 м) и рвом (глубиной 1–0,8 м), прорытым с внешней восточной стороны вала в направлении северо-юг. Через этот ров, отделяющий кладбище от хутора, переброшены две тонкие жерди, «*чебы только душе пиритить*». Дорога, удобная для шествия погребальной процессии, фактически идет в обход.

Первыми на вновь созданных кладбищах принято хоронить умерших как можно более пожилого возраста, «*чебы малады ни*

«умирали», или приезжих, не имеющих родных среди членов общины: «Хароним чужак, какой свая жьвуть» (зап. в 2002 г. Т.Ю. Власкиной от В.Г. Алпатова, 1924 г.р., в Н.Г. Алпатовой, 1928 г.р., х. Рябичёв Волгодонского р-на [АА]). Заполнение кладбищ обычно происходит по периметру от ограды к центру, со значительным отступлением от западной границы. Западная часть кладбища наименее престижна и заполняется в последнюю очередь. Место вдоль ограды с западной и северной стороны иногда внутри, иногда снаружи отводится по-особому с особым статусом – самоубийцам (ушаканам, тóплиникам) и «чужим», к которым наиболее часто относят некрещеных (бесчёмных) и приезжих (безродных). Известны факты подобного аномального размещения могил умерших не своей смертью – убитых, погибших в результате несчастного случая, в состоянии алкогольного опьянения. Могилы по христианской традиции ориентированы длинной осью восток-запад, покойного кладут вытянуто на спину головой на запад. С восточной стороны в ногах помещают крест. Случаи нарушения данного принципа крайне редки. Глубину могил принято определять в двенадцать локтей. В Волгодонском р-не зафиксирован иной способ определения глубины могилы: ямы копать могилу должны обязательно три человека, их ставят по росту и выбирают среднего. Края ямы должны доходить выбранному могильщику, стоящему на дне, до подмышек, с тем чтобы в день Страшного суда покойный смог опереться руками о края могилы и выйти из нее (зап. в 2002 г. Т.Ю. Власкиной от Г.А. Дороновой, 1942 г.р., в Н.И. Дороновой, 1910 г.р., х. Рябичёв Волгодонского р-на [АА]). Могильные ямы чаще всего стандартной для православных христиан формы. На кладбищах некоторых населенных пунктов *подбойное* (см. выше) захоронение с несколькими погребенными легко отличить от других, по большому количеству крестов над одним могильным холмом соответствует количеству погребенных. При этом размеры крестов могут удваиваться: кресты детей вполтора-два раза больше крестов взрослых. В населенных пунктах со смешанным православно-старообрядческим населением могло быть два одновременно действующих кладбища.

Могильная плита на старом казачьем кладбище ст-цы Елизаветинской Азовского р-на. МДЭ РГУ.

Наряду с устройством могил за пределами жилого пространства, казаки издавна практикуют погребения во дворах: «При тех домах, где имеются сады, всегда виднеются могильные кресты. Это местный обычай давнего времени хоронить покойников не на далеком кладбище, а близ своих же близких, родных, обсаживать эти могилы виноградом и цветами», – писал Е. Ознобишин [Ознобишин 1875]. В литературе бытование семейных кладбищ рядом с домами связывают либо исключительно со старообрядческим населением, либо с традициями погребения заложных покойников. Однако при этом достаточно много крещеных православных умерших своей смертью казаков в хуторах и станицах практически всех округов бывшей Области войска Донского вплоть до 1950-х гг. погребалось на собственных подворьях¹³. Старообрядцы в со-

¹³ Вот типичное сообщение о погребениях во дворах: «[Соб.: А во дворе кого хоронят?] – Да вот, дапустим, у мене плиманицы муш умир... атец забрал иво к себе у двор. И многие в дварах харанили, наблюдают жы сваво дитя. – [Соб.: Детей хоронили в дворах?] – Нет, (и) муцинаф-та. И парнеца жы нашьва схаранили в дворе, братца-

блюдении этой традиции более последовательны: известны населенные пункты, где до недавнего времени кладбищ в привычном понимании не было вообще¹⁴. В целом же означенная проблема требует специального рассмотрения.

Представления об особых качествах мертвого тела, о магических свойствах его самого и всего, что с ним соприкасалось, послужили основой формирования принципов его нейтрализации и использования, которые варьируются от вредоносных практик нанесения порчи (землей с могилы, водой, мылом и ветошью после мытья покойника, веревочками, стягивавшими ему конечности и т.п.) до лечения *мертвой рукой*, теми же веревочками, мылом и землей. Семантической основой разнонаправленных манипуляций служит мертвенная неподвижность, остановка покойного во времени и пространстве и возможность использовать его как посредника при отсыле чего-либо (болезни или, напротив, силы, здоровья) на тот свет. Способы нейтрализации также достаточно разнообразны: от положения предметов, используемых при подготовке покойника к погребению, в гроб и закапывания в могилу до *пускания по реке*. Став частью «иног» мира, умерший получает знание о будущем, ограниченное сферой смерти. Индивидуальные особенности трупного окоченения, различные происшествия и случайности во время похорон сообщают информацию родным о будущих смертях в семье¹⁵.

та. – [Соб.: Это который малинький умер?] – *Да. Их ва дваре пахаранили.* – [Соб.: А он крещеный умер?] – *Крищеный. Уш акристилси.* – [Соб.: И всё равно во дворе? А почему?] – *Да эта ни беда, да хочуть хазяива»* (зап. в 2000 г. Т.Ю. Власкиной от Л.Ф. Фроловой, 1903 г.р., х. Карпов Цимлянского р-на [АА]).

¹⁴ Например, первое кладбище вблизи хх. Усть-Грязной, Осиновский, Аржановский и Варламов в Советском р-не было открыто после заселения вновь построенного п. Чирского в 1929 г.

¹⁵ Например: «*У семье, если талый, так хто-та ищэ умрёт, цитають. Ну, он ни застываить. Када никто ни будить большы умирать ф семье, то он застынит, как кацарыжска, а када... так он как плеть: талый. Гаваряць, што: "Ну, хто-та ишишо умрёт"*» (зап. в 1999 г. Т.Ю. Власкиной от М.С. Путягиной, 1917 г.р., х. Трофимов Константиновского р-на [АА]). «*Лишнюю лошку ни кладуть (на поминальный стол). Тута глядять чатильна. Нильзя, нильзя! Будить ф семье пакойник ишишо.*

Этап III, поминальный. Поминки справляют на третий (в день похорон), девятый, двадцатый и сороковой дни, затем – через полгода, в годовщину смерти и через три года. Объяснение причин, согласно которым установлены эти сроки, обнаруживает архаичный мотив ‘рождение в ином мире’. По прошествии трех лет человека перестают поминать индивидуально. Считается, что *«пакойник паишо в отци радитили»* (зап. в 2002 г. Т.Ю. Власкиной от Н.И. Дороновой, 1910 г.р., х. Рябичёв Волгодонского р-на [АА]). Варианты обрядовых действий в поминальные дни сводятся к альтернативе между трапезой и раздачей милостыни *на помин*. Последнее довольно устойчиво соотносится с девятым, двадцатым днями и полугодием со дня смерти, при этом выделение *двацатин* как срока для проведения поминок наиболее характерно для старообрядцев. Иногда застолье сочетается с раздачей милостыни. Как правило, это происходит на сороковой день (*саракавины, ат-ходины, саракауст, душу праважатъ*), когда одному или каждому из сорока (по обычаю) участников трапезы дают с собой узелок с набором предметов символического характера (катушки ниток – *«шоу душу из муки вытягивать»*; деревянные ложки – *«плыть душе через реку на тот свет»* и проч. (зап. в 2004 г. Т.Ю. Власкиной от А.П. Кольчевой, 1913 г.р., х. Тубянский Верхнедонского р-на [АА])). Последующее обыденное использование предметов, полученных *на помин души*, приобретает более или менее выраженное экстраутилитарное значение *«...И платочки и катушки и пряники...»* – [Соб.: А зачем катушки?] – *Шобы тягал гряхи иё из магили. Катушка жсы, нитки он, тяницца...* – [Соб.: А шить этими нитками можно?] – *Ага, а ищэ што и? Шьёт и вытягаит иё душу с муки»* (зап. в 2001

Я сама, читалка, сажусь за первый стол, гляжу фсё. – [Соб.: А еще какие есть приметы к следующему покойнику?] – *Ну, бываить, похараны – идел доить. Эта абизатильна: ня в этом дома, но н задалга ишишо пакойник. Идёт, идёт дош, а ка самая уремя – он пиристат: эта не. А када на пакойника прям дош – эт к следующиму.* – [Соб.: А ес в гробу место лишнее?] – *Да, эта тожы... Вида я такой случай: был длинный гроб, то люди в кладáli туда тырновыи калючки. Ветки срубали»* (зап. в 2001 г. Т.Ю. Власкиной от Е.П. Жарковой, 1915 г.р., х. Антиповский Шолоховского р-на [АА]).

Т.Ю. Власкиной от Т.Е. Кочетовой, 1907 г.р., ст-ца Еланская Шолоховского р-на [АА])¹⁶. Кроме того, существуют варианты относительно посещения кладбищ и ухода за могилами в те или иные поминальные дни. Военский акцент просматривается в существовании особого рода поминальных мероприятий, таких как войсковые (общинные) панихиды по погибшим и умершим от ран воинам. Наиболее известный календарный срок проведения такой панихиды – день Покрова Пресвятой Богородицы.

Сделаем некоторые выводы. В похоронном обряде донских казаков доминируют две функции: 1) облегчить умершему переход в иной мир; 2) оградить родных и близких от влияния смерти. Сочетание в рамках одного обрядового комплекса разнородных вербальных и невербальных компонентов наглядно демонстрирует его многослойность. Традиция объединяет: а) дохристианские и, возможно, нехристианские поверья и ритуальные нормы; б) христианские легенды, осложненные элементами более ранних народных суеверий; в) плоды новейшего мифотворческого процесса переосмысления и конкретизации христианского канона; г) собственно канон; д) элементы основной культуры, развившиеся в процессе формирования специфического воинского мировоззрения. Следует отметить высокую степень христианской унификации традиционного восточнославянского похоронного ритуала, который лежит в основе похоронно-поминальной обрядности донских казаков. Кроме того, по ряду составляющих возможно выделение двух комплексов – православного и старообрядческого. При этом отдельные элементы и обрядовые нормы (также как погребения на подворьях, сооружение подбойных могил, традиция помещения камней на могилах), обычно идентифицируемые с раскольничеством, представляются, скорее, архаическим наследием обря-

¹⁶ См. также: «Ну, эта апать для памяти. От у мамы их сколько платочик. Ана кой-каки их даже поминать, чьи эта платочки. Ани уш фсе реуца... колодины, шурины, с Турнавова... Ана фсягда ут-рѣца и фспомнить: "Ага, вот эта вот такова щила-ека". И палин яму. – [Соб.: Для этого и дается?] – Да, для памяти» (зап. в 1998 г. Т.Ю. Власкиной от Н.И. Татаровой, 1930 г.р., х. Малотерновой Чернышевского р-на Волгоградской обл. [АА]).

довой культуры христианских казачьих общин, сложившихся на Дону в тесном контакте с тюрками-мусульманами до церковной реформы XVII в. В пользу этого мнения говорит передача и воспроизведение названных норм и элементов, воспринимаемых как отличительные знаки местного коренного происхождения, в казачьих сообществах, объединенных не по конфессиональному, а по общинному принципу.

Литература

- Власкина 2000 – Власкина Т.Ю. Смерть в верованиях и обрядах казаков Среднего Дона // Живая старина. 2000. № 1. С. 14–15.
- Власкина 2000а – Власкина Т.Ю. Материалы по погребальной обрядности казаков Среднего Дона // Проблемы археологии юго-восточной Европы. Мат. VIII Донской междунар. конф. Ростов-н/Д., 2000. С. 88–92.
- Греков 1912 – Греков А.М. Приазовье и Дон. СПб., 1912.
- Кабакова 2001 – Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
- Лурье, Тарабукина 1994 – Лурье М.Л., Тарабукина А.В. Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. С. 22–26.
- Маслова 1956 – Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 541–800.
- Находки 1878 – Находки в курганах // Донские областные ведомости. 1878. № 83.
- Номикосов 1884 – Номикосов С.Ф. Статистическое описание области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- Ознобишин 1875 – Ознобишин Е. Цыплянская станица // Донские областные ведомости. 1875. № 10.
- Очерки географии 1918 – Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1918.
- Рыблова 2002 – Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002.
- Сухоруков 1891 – Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. М., 1891.
- Терновская, Толстая 1995 – Терновская О.А., Толстая С.М. Агония // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 90–92.
- Черницын 1997 – Черницын С.В. Обычаи и обряды донских казаков, связанные с воинской службой // Памяти А.М. Листопада: Сб. ст. Ростов-н/Д., 1997. С. 59–68.

Список сокращений

- АА – архив автора.
- МДЭ РГУ – Материалы диалектологических экспедиций Ростовского государственного университета.
- СРДГ – Словарь русских донских говоров. В 2 т. Ростов-н/Д., 1991. Т. 1.